

пользуются сочувствіемъ, заслуженнымъ ими въ продолженіе послѣдней восточной войны; никому не приходитъ въ голову унижать ихъ, презрительно относиться къ ихъ профессіи, къ ихъ мундиру. Обоаян или Ромны—не завоеванная страна, въ которой войска должны вѣчно быть на-сторожѣ, вѣчно чувствовать вокругъ себя атмосферу вражды, въ каждую данную минуту готовой перейти отъ косыхъ взглядовъ къ обиднымъ словамъ, отъ обидныхъ словъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Военная форма никому у насъ не противна, ни въ комъ не вызываетъ неприязни; незачѣмъ, слѣдовательно, и заботиться о чрезвычайной ея охранѣ. Пусть только каждый, носящій форму, сохраняетъ уваженіе къ другимъ и къ самому себѣ—и ему будутъ платить тою же монетой. Возможны, конечно, исключительные случаи, въ которыхъ не обережешься отъ незаслуженныхъ оскорбленій—но вѣдь они возможны не для однихъ военныхъ, и мы не видимъ причины, почему одной категоріи гражданъ право самозащиты должно быть предоставлено въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣмъ другимъ. Оружіе дано офицерамъ и солдатамъ, безъ сомнѣнія, не для того, чтобы они пускали его въ ходъ противъ безоружныхъ. Меньше всего такой образъ дѣйствій соответствуетъ „великодушію“, составляющему, по мнѣнію г. Владимірова, принадлежность воинской чести.

Заговоривъ однажды о защитительной рѣчи г. Владимірова, мы не можемъ умолчать о другой ея чертѣ, столь же мало симпатичной; это — погоня за фразой, вдвойнѣ неумѣстная въ устахъ русскаго профессора и русскаго защитника. Чтò сказать, напримѣръ, о такомъ приступѣ къ защитѣ: „23 ноября 1836 г., въ темную ночь, на крыльцѣ квартиры командира сѣвскаго полка лежалъ молодой подпрапорщикъ Шмидтъ. Онъ имѣлъ видъ или усталаго путника, котораго еле донесли искалѣченные ноги, или пловца, котораго послѣ сильной борьбы волны выбросили на берегъ, избивъ предварительно объ острые камни и утесы“. Въ рѣчи зауряднаго французскаго адвоката, какъ и въ заурядномъ сенсационномъ романѣ, эта риторика насъ бы не удивила; лучшимъ приѣмамъ русской адвокатуры, да и русской беллетристики, она рѣшительно противорѣчитъ. „Еслибы мы,—продолжаетъ защитникъ,—быстро помчались въ абакумовскій трактиръ, то увидѣли бы тамъ другую картину. Въ биллиардной комнатѣ лежалъ убитый буфетчикъ Гутовскій, повернутый къ стѣнѣ, *уткнувшись лицомъ въ соръ, выметенный изъ гостиницы. Онъ окончилъ жизнь въ обстановкѣ, которая какъ бы напоминаетъ собою низкіе поступки его относительно подпрапорщика Шмидта*“. Стремленіе къ эффекту доводитъ здѣсь до безцѣльнаго, непростительнаго глумленія надъ убитымъ. Какъ бы несчастный буфетчикъ ни былъ виноватъ передъ Шмидтомъ, онъ искупилъ свою вину смертью, т.-е.